

Предисловие

Данный сборник приурочен к юбилею члена-корреспондента Российской академии наук доктора филологических наук профессора Александра Владимировича Бондарко, которому 15 ноября 2010 года исполнилось восемьдесят лет.

В честь юбиляра была организована конференция, где выступили с докладами не только старшие коллеги Александра Владимировича, но и молодые ученые, только начинающие свой путь в науке. Данный сборник является своеобразным итогом состоявшейся конференции. В нем представлены статьи представителей молодого поколения лингвистов, чьи интересы и научные исследования тем или иным образом связаны с деятельностью Отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН, научным вдохновителем которого на протяжении многих лет и является Александр Владимирович Бондарко.

Не все авторы эксплицитно используют термины, принятые в модели функционально-семантических полей и категориальных ситуаций, но для всех работ этого сборника характерно соблюдение основных принципов функционального описания: опора на конкретный языковой материал, семантическая интерпретация данных, различные способы описания языковых значений, иерархическое объединение разноуровневых средств выражения одного и того же значения. Современная стадия функционального анализа отличается методической строгостью и особенной достоверностью материала — молодые исследователи используют данные различных языковых корпусов (см. статьи Е. Л. Вилинбаховой, А. М. Кочерган, А. В. Леоновой, Д. Н. Сатюковой, Д. А. Солнцевой, М. А. Холодиловой), результаты экспедиционных наблюдений (М. Ю. Пупынина), записи спонтанной речи (С. В. Краснощекова).

Тематика статей разнообразна, и довольно невозможно описать ее одним или двумя словами. Каждая статья рассматривает одно небольшое языковое явление на конкретном языковом материале (преимущественно, на русском, но есть статьи и о других языках).

В статье Е. Л. Вилинбаховой (СПбГУ) в рамках проблематики языковых стереотипов рассматривается понятие «языковой маски», отражающее представления людей о своем языковом поведении и языковом поведении окружающих. В создании такой характеристики используются различные средства выражения — фонетические, морфологические, лексические и синтаксические.

А. М. Кочерган (ИЛИ РАН) рассматривает две синонимичные отрицательные конструкции английского языка *without smth* и *with no smth* (без чего-либо). На материале Британского национального корпуса устанавливается частотность данных выражений и особенности их сочетаемости с существительными. Автор предлагает свою интерпретацию различий в употреблении этих выражений.

Статья С. В. Краснощековой (ИЛИ РАН) написана в русле проблематики детской речи и рассматривает функционирование в речи русскоязычного ребенка местоимения *такой*. Подробно исследуются этапы появления этого местоимения в речи ребенка, а также функции этого местоимения. Отдельным вопросом является конкуренция местоимения *такой* и местоимения *это*.

Схожей по тематике является и статья Д. Н. Сатюковой (ИЛИ РАН), в которой описывается функционирование того же местоимения *такой*, но в русской разговорной речи взрослых носителей языка. Более подробно рассматриваются самые распространенные функции данного местоимения — типизирующая и классифицирующая. Исследование проводилось на материале Национального корпуса русского языка.

К корпусным исследованиям можно отнести и статью А. В. Леоновой (НГТУ), в которой с различных сторон рассматривается конструкция *взять и + V* (типа *взять и отменить*). В частности, в статье предпринята попытка описать функционирование данной конструкции, роль и семантику используемых при ней служебных слов. В конце статьи автор предлагает собственную трактовку механизма грамматикализации данной конструкции.

В статье М. Ю. Пупыниной (ИЛИ РАН) предлагается модель описания лексических средств отрицания в рамках категории отрицания в целом. Данная модель вписывается в теорию се-

мантических полей функциональной грамматики, разработанную А. В. Бондарко. В качестве иллюстрации к этой модели используется материал чукотского языка.

В статье Д. А. Солнцевой (СПбГУ) на материале русской разговорной речи рассматривается функционирование диминутивов. По ряду функций использование диминутивов отличается от литературного языка. Ввиду большого распространения диминутивов в русской разговорной речи исследовательская выборка ограничена двумя лексическими группами слов: «части тела» и «еда и напитки».

И наконец, в статье М. А. Холодиловой (ИЛИ РАН) на материале русского языка рассматриваются конструкции, включающие местоимения третьего лица, антецедентом которых является часть именной группы. Предлагаются возможные подходы к анализу данной конструкции, а также описываются некоторые ее базовые свойства.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ МАСКИ

1. Введение

Языковая маска как совокупность речевых характеристик, приписываемых определенным людям, объектам или ситуациям, относится к области т. н. «народной лингвистики»¹, которая изучает стереотипные представления людей о своем языковом поведении и языковом поведении окружающих. В данном случае, это представления о взаимосвязи возраста, пола, социального класса, профессии людей с конкретными особенностями их речи, что выражается в описательных оборотах: *ругаться как сапожник, говорить как диктор телевидения, учительская интонация, провинциальный говор*, или непосредственно в прямой речи персонажей анекдотов, литературных произведений. Кроме того, можно говорить о языковой маске существ, в действительности не владеющих речью: животных, роботов и пр., и даже о языковой маске ситуаций: например, *алло* выступает как маркер телефонного разговора.

Термин «языковая маска» ввел в 1936 г. Г. О. Винокур в статью о языке пушкинского «Бориса Годунова»:

⟨...⟩ в «Борисе Годунове» <автором> сознательно поставлена цель внести р а з н о б р а з и е в драматический язык ⟨...⟩ Заимствованный у Шекспира принцип чередования стихотворных и прозаических текстов подсказывал для прозы «площадной» гротескный материал, при помощи которого достигаются резкие драматические эффекты, состоящие в создании своего рода «языковых масок», то есть персонажей, драматический характер которых отчетливо воплощен в особенностях их речи [Винокур 1959а/1936: 305–306].

В 1948 г. на материале комедии «Горе от ума» Г. О. Винокур рассматривает этот вопрос более подробно и опре-

---

¹ Термин «народная лингвистика» (folk linguistics) был предложен Г. Хенигсвальдом.

деляет языковую маску как «собственно языковую характеристику» персонажей:

⟨...⟩ в ряде случаев она (языковая характеристика — *Е. В.*) достигается тем, что данному персонажу придаются свойства речи, в той или иной мере разобщающие его с остальными персонажами, причем принадлежащие ему как нечто постоянное и неизменное, сопровождающие его в любом его поступке или жесте [Винокур 1959б / 1948: 297].

В настоящей работе мы не будем рассматривать языковую маску конкретного персонажа — чукчи, нового русского и пр. (об этом см., например, [Шмелева, Шмелев 2000, 2001, 2002]), а остановимся на ее структуре, включающей элементы разных языковых уровней: фонетического, морфологического, лексического и синтаксического. В качестве иллюстративного материала приводятся тексты из Национального корпуса русского языка и интернет-источников, содержащие как прямую речь персонажа, так и выражения, косвенно описывающие элементы его языковой маски. В первом случае мы использовали диагностические конструкции: глагол (**семантический признак: речь**) + *x* + **прямая речь**, во втором: глагол (**семантический признак: речь**) + **как/будто/словно** + *x*; генетивные и атрибутивные сочетания **существительное (семантический признак: речь)** + *x-а/x-овый* и пр. Также учитывались примеры, приводимые в научной литературе или обнаруженные в фильмах, анекдотах, различных ситуациях общения.

2. Фонетические элементы языковой маски

К фонетическим элементам языковой маски относятся, в первых, **высотно-тембральные признаки голоса**, которые проявляются при непосредственном воспроизведении речи персонажа — во время игры с ребенком, чтении по ролям или рассказывании анекдотов и сказок. В текстах высота и тембр голоса отражены в специальных ремарках: *басом, тонко* и пр. (1).

- (1) *Медведь. А что ты, брат, можешь сделать? ⟨...⟩ Разве ты справишься с ним? Съест он тебя, как теленочка (всхли-*

пывает *басом*²). *Жалко* (Е. Л. Шварц. Красная шапочка. 1936).

Стереотипные представления фиксируются и в описательных оборотах (2)–(3).

- (2) *Гринюшка, — сказала мать тонко, как девочка. — Не держи зла на меня!* (М. и С. Дяченко. Рубеж. 1999)
- (3) *Пап, — позвал из трубки странный голос — нечто среднее между петушиным фальцетом и шалепинским басом, — это я* (Т. Устинова. Развод и девичья фамилия. 2002).

Во-вторых, важным элементом является **интонация**, часто используемая при имитации иностранного акцента. О. В. Смолицкая отмечает, что такая интонация условна и принимается слушателями как обозначение того или иного персонажа, говорящего по-русски неправильно:

(...) рассказчик не перевоплощается в каждую национальную маску именно потому, что каждая маска здесь предстает как ее образ именно в русской культуре. “Еврейская” интонация здесь — некая условная интонация, принятая в анекдотах, и обозначающая еврея, говорящего по-русски³. Точно так же анекдоты “кавказские”, с необычайно выразительным интонационным рисунком, изображают не собственно грузинскую, армянскую и т. п. речь, но акцент кавказца, говорящего по-русски. Рассказчик, изображающий этот акцент, должен сам владеть безакцентной русской речью, именно этот контраст и делает анекдот данного типа смешным [Смолицкая 2001: цит. по эл. версии].

Также существуют представления об особой интонации гопника, блондинки, учителя (4), (5), (6).

- (4) *Пока ехали по Тольятти – Ижевску, на радио нашел волну FM 102,7 «Радио Вася». Ржал постоянно! Такое ощущение, что на «Радио Вася» — (с интонацией гопника) чис-*

---

² Здесь и далее выделено мной — Е. В.

³ Имеется в виду особая просодия, отличающаяся от просодического оформления русской фразы, — подъем тона в утвердительном предложении [Шмелева, Шмелев 2002].

та такое канкретное радио для реальных пацанов, в кепке, с барсеткой, с семками в карманах треников, в тонированном ТАЗике на «арбузах» (review.kuda.ua).

- (5) Недавно видела девочку ака готку, стоящую над шузами DC и спрашивающую с **интонацией блондинки**: «Ой, а это что, шузы дольче и габанна?..» (www.liveinternet.ru)
- (6) Лена, вышедшая меня проводить, подошла к нему и, с **учительской интонацией**, произнесла: «Джек, устыдись!» Пес моментально перевернулся на спину и принялся комично тереть глаза лапами (www.livejournal.com).

Далее, можно выделить **нарушения правил постановки ударения**, которые маркируют безграмотную речь персонажа (7) и, следовательно, характеризуют носителя языковой маски как представителя иного этноса или низших социальных классов. В редких случаях возможна отсылка к конкретной личности (8). В отдельных словах ударение подчеркивает профессию говорящего (9).

- (7) Эта <девушка> не пара тебе, сынок, потому что она говорит «звОнит», а не «звонИт» (forum.materinstvo.ru).
- (8) Горбачев спрашивает у переводчика: «Как будет по-английски слово “нАчать”?» А тот отвечает: «“БЕ-гин”...» (анекдот)
- (9) Мы говорим не дИскурс, а дискУрс (Т. Кибиров. Мы говорим не дИскурс, а дискУрс... 1998).

Наконец, к наиболее очевидным элементам языковой маски относятся **изменение фонемного состава слова и отступление от нормативной реализации фонем** (10).

- (10) Олег набрал номер Диминого мобильного. — **Пливет, папа!** Будем **иглать в плятки**? — задорно спросил детский голос (Д. Тарабанов. Т9. 2007).

Характерно, что языковые маски разных персонажей могут включать одни и те же элементы: например, картавить может одессит, еврей, француз или Ленин (11)–(12). В этом случае при

передаче прямой речи для узнавания героя требуется контекст или дополнительные элементы.

- (11) *Вообще-то, считается, что этот человек неохотно дает интервью — потому, что он картавит, как Ленин* (gazeta.avtoradio.ru).
- (12) *Когда-то меня удивило, что шведы картавят, совсем как французы* (lingvoforum.net).

Совокупность фонетических элементов языковой маски в текстах из Национального корпуса русского языка и интернет-источников обозначается как «акцент», причем имеется в виду не только «своеобразный выговор, свойственный говорящему на чужом языке или на чужом диалекте» [Ушаков 1934: цит. по эл. версии], но и признаки речи различных возрастных, социальных и других групп, конкретных личностей, животных, роботов. В подобном значении это слово употребил еще Григорий Остер в 1980 г. в новелле «Человек с детским акцентом» (13), а в настоящее время встречаются такие выражения, как *интеллигентский акцент, собачий акцент* и даже *путинский акцент* (14).

- (13) — *Скасите, — спросил человек дошкольников, — есть ли следы вас такие, котолые не выговаливают некотолые буквы, наплимел, букву «с» или букву «л»? Вы, конесно, понимаете, сто я имею в виду не буквы «л» и «с», а те буквы, котолые я не могу выговолить* (Г. Остер. Человек с детским акцентом. 1980).
- (14) *Больше всех понравился ослик Моисей. И князь Владимир с путинским акцентом* (www.animeforum.ru).

Разумеется, фонетические элементы языковой маски, в первую очередь, подразумевают устное бытование, а их передача в текстах имеет описательный характер; для прямой речи используется своеобразная транскрипция, которую рассказчик должен прочесть и воспроизвести в устной форме.

3. Морфологические элементы языковой маски

Обращаясь к морфологическим элементам языковой маски, можно отметить закрепление отдельной, «заметной» морфемы⁴ за группой людей — профессиональной, социальной и пр. (15) или конкретным персонажем: «⟨...⟩ в анекдотах в качестве условных сигналов, создающих речевой образ Ленина, можно упомянуть следующие: картавость, обращение *батенька*, активное использование прилагательных и наречий с приставкой *архи-*» [Шмелева, Шмелев 2001: цит. по эл. версии]. Для языковой маски иностранца характерно использование морфем, не свойственных русскому языку (16).

- (15) *Параграф из нового учебника русского языка. Для образования существительного от глагола с ударными окончаниями -ать, -ить, -ять, и -еть необходимо к глаголу в прошедшем времени единственного числа прибавить окончание -ово: вязать — вязалово, кидать — кидалово, бубнить — бубнилово, ходить — ходилово, гулять — гулялово, стрелять — стрелялово, сидеть — сиделово, смотреть — смотрелово. Исключение. Следует запомнить глагол, от которого существительное образуется чисто в виде исключения: гнать — гониво (анекдот из [Кронгауз 2008: 24]).*
- (16) *Начало 90-х, литовский хутор. Вечер. Хозяйка выходит на крыльцо звать пса домой: «Шарик!» Тишина... Только кузнечики стрекочут. «Шарик!!!» Тишь стоит вселенская... «ТЬфу! Шарикас?» «Гавс, гавс, гавс!» (анекдот)*

Элементом языковой маски может стать не только «качественное», но и «количественное» отступление от нормы. Повышенная концентрация уменьшительно-ласкательных суффиксов в речи Порфирия Петровича в «Преступлении и наказании», отказ Евгения Онегина от употребления словоерса, по замыслу авторов, указывают на определенные внутренние качества героев.

---

⁴ По аналогии с «заметными словами», см. раздел 4 данной статьи.

Далее, для создания языковой маски привлекаются различные **нарушения грамматических правил**: как и в случае с ударением, ошибочные, безграмотные формы отсылают к иной национальности (17) или к низшему социальному классу.

- (17) *Очередь в буфете, стоят 2 мужика интеллигентного вида и грузин. Первый интеллигент: — Одно кофе, пожалуйста. Второй: — Одно кофе, пожалуйста. Грузин: — Адын кофе... Буфетчик: — Ну хоть один правильно сказал, хоть и не русский. — ...и адын булка (анекдот).*

4. Лексические элементы языковой маски

Лексические элементы языковой маски — это, прежде всего, «**заметные слова**» (термин из [Клубков 2003]), или «прецедентные высказывания» (термин из [РКП 2004]), за которыми стоит определенный персонаж (представитель социальной, этнической, профессиональной группы, конкретная личность и пр.) или ситуация, играющая важную роль в формировании их смысла.

Его (прецедентного высказывания — *Е. В.*) использование в речи, как правило, предполагает «отсылку» или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее либо не будет понят смысл высказывания, либо не «прочитаются» связанные с прецедентным феноменом коннотации [РКП 2004: 32].

Характерно, что заметные слова «могут быть собственно отдельными словами, словосочетаниями, предложениями». [Клубков 2003: 648].

Речь идет не только о качественно новых, чуждых «привычной» речи элементах (*о-ля-ля* как маркер француза), но и о количественном отступлении от нормы (постоянное использование слова *однако* в речи чукчи, *таки* в речи еврея и пр.).

- (18) *Кризис. В заграничном порту стоят три корабля — французский, итальянский и российский. Моряки сидят без денег, топливо на исходе... Французы: «О-ля-ля, эта рыбалка больше не приносит ни гроша. Мы бросаем эту проклятую*

работу!»⁵ Французский флаг опускается, моряки покидают судно. Итальянцы: «**Мамма мия**, мы совсем разорились с этой рыбой! Нам нужна другая работа!» Итальянский флаг опускается, моряки покидают судно. Русские: «Они правы. Пора завязывать с этой гребаной рыбалкой!» Российский флаг опускается. Поднимается флаг с черепом и костями. Судно уходит к берегам Сомали... (анекдот)

Заметные слова отсылают к стереотипу предполагаемого автора (авторов) анекдота, причем «нередко бывает, что фразы и словечки ассоциируются в сознании большинства носителей языка не с тем, кто их произнес, а с тем, кому они «больше подходят». «Хотели как лучше, а получилось как всегда», — якобы простодушная реплика Черномырдина, между тем как это шутка последнего советского премьер-министра Павлова, к тому же, возможно, имевшая и до него некоторую традицию бытования» [Клубков 2003: 648].

Также для создания языковой маски используется прием каламбурного столкновения разных значений многозначного слова — соответственно, общелитературного и жаргонного, профессионального и т. п. **Метафорическое употребление** нейтрального языкового выражения выступает в качестве социальной, профессиональной и прочей характеристики персонажа.

- (19) *Приходит сын нового русского из школы первого сентября, говорит: «Зачем вы меня обманули? Ничего хорошего в этой школе нет, а говорили: первый класс! Первый класс!»* (анекдот)
- (20) *Путин с Грызловым и Фрадковым идет в ресторан. Официант его спрашивает: «Вы будете мясо или рыбу?» — «Мясо». — «А овощи?» — «Овощи тоже будут мясо»* (анекдот).

---

⁵ Интересно, что в данном случае лексический маркер *о-ля-ля* оказывается достаточным для языковой маски французов, а фонетические элементы (картавость) не используются.